

Гендерный аспект социальных проблем современного общества в русской литературе рубежа тысячелетий

Ключевые слова: гендер, биархат, проблема, персонаж, конфликт.

В статье рассматривается специфика художественной интерпретации актуальных социальных проблем в гендерном аспекте: обесценивание реальных коммуникативных связей, биархатные конфликты и деформация семейных отношений, влияние урбанизации общества на духовную жизнь личности.

На сломе веков и тысячелетий в социуме обострились проблемы, давно существующие, и появились новые, обусловленные семимильными шагами НТР, политическими процессами, природными катаклизмами и ещё многими причинами. Очень важен и тот факт, что «на рубеже тысячелетий эсхатологические настроения вошли и в ежедневный быт. Самостояние реальности пропиталось духом антиутопии, вследствие чего настала пора говорить об антиутопизме как неотъемлемой части художественного мышления конца XX века... Акцент с идеологии сместился в сферу биологического, иррационального, бессознательного» [11, с. 14]. При анализе социальных проблем современности креативные политологи и социологи обращают внимание на их гендерный аспект. Воплощая эти проблемы в художественном тексте, писатели рубежа тысячелетий также не могут его обойти, а некоторые даже утрируют гендерную ситуацию в связи с активной феминизацией литературы (как, впрочем, и всей современной культуры).

«Сдвоенный» (женско-мужской) взгляд на современную эпоху и современного человека позволяет осмыслить актуальные темы и воплотить их в художественных образах более объёмно и многопроблемно – **герменевтично**, о чём говорят многие современные исследователи (М. Липовецкий, А. Немзер, М. Ремизова, И. Жеребкина, Е. Стрельцова, Н. Габриэлян, М. Абашева, О. Дарк, К. Степанян, О. Павлов, Г. Нефагина, Т. Морозова, Н. Хамитов и др.).

Тема социальной и нравственной свободы и её принципиального отличия от анархии и «беспредела» стала одной из главных в литературе перестроечного и постперестроечного периода.

Как правило, эта тема связана с драматическими и даже трагическими конфликтами: нереализованные жизненные цели, утраченная любовь, сломанные судьбы, духовная деградация личности (рассказы В. Токаревой и Д. Рубиной, Т. Толстой, Е. Поповой, М. Вишневецкой, романы и повести В. Маканина, А. Иванова, С. Минаева, Л. Улицкой, В. Пьецуха, пьесы А. Галина, Ю. Эдлиса, О. Кучкиной, А. Слаповского, поэзия Т. Кибирова, Л. Миллер, И. Кабыш, Г. Нерпиной – список можно продолжить).

С женскими персонажами связан особый трагический пафос. Женщины в большей мере, чем мужчины, погружены в рутину быта. И хотя на рубеже тысячелетий многое в социальном положении женщины меняется, именно **повседневность является основным хронотопом женского существования**. Переживая «апокалипсис на бытовом уровне» (Е. Стрельцова), отражающий бытийную апокалиптичность современности, женщины-автора и женщины-персонажи испытывают душевные страдания, тоску по жизни, вынужденные существовать в псевдожизни. Однако стремление к свободе иногда бывает абсурдным, что искажает само понятие свободы. Арбатовская Маргарита («Пробное интервью на тему свободы») так формулирует своё credo: «Мне всё по фигу. Всё по фигу – это такая форма свободы...» [2, с. 8]. А те женщины (и реальные, и

литературные героини), которые смогли побороть быт во всех его проявлениях, а в первую очередь – его однообразие, монотонность и хронофаговость, не становятся счастливей. Как заметила Л. Кислова, «такая женщина самодостаточна независима, талантлива и свободна, однако она, как правило находится в оппозиции к остальному миру ..., восхищение окружающих и отвоёванная у судьбы свобода выбора рождает в ней некий комплекс избыточный востребованности» [7, с. 167]. Тем более, что мужчина, как правило, не поддерживает её. Мужчину раздражает и даже пугает свобода выбора и самодостаточность «слабого пола», так как он сам часто не в состоянии выбрать, совершить поступок, осуществить серьёзные перемены в своей жизни. **Гендерный конфликт** и в современной жизни, и в литературе **становится мировоззренческим**. Такого рода конфликт характерен не только для женских произведений (проза Т. Толстой, В. Токаревой, Л. Улицкой, Г. Щербаковой, М. Палей, пьесы Л. Евгеньевой, М. Арбатовой, О. Михайловой, стихи М. Бородицкой и В. Павловой), но и для писателей-мужчин (пьесы Ю. Эдлеса, А. Галина, С. Таска, В. Сигарева, Л. Зорина, проза Ю. Полякова, С. Минаева, И. Сахновского, проза и драматургия А. Слаповского). Особенно интересны в этом плане пьесы Ю. Эдлеса «Одуванчик» и С. Таска «Паучок», а также романы и повести Ю. Полякова («Козлёнок в молоке», «Замыслил я побег», «Грибной царь») и знаменитый «Духless» С. Минаева. Так, главный герой «Козлёнка в молоке», молодой мужчина, писатель, переводчик, совершенно потерялся в жизни, он в отчаянии (что в конечном итоге и заставило его затеять фантазмагорию с «гением из народа», чтобы развлечься и отвлечься от тягостных мыслей) с горечью и тоской вспоминает: «И вот однажды, проснувшись утром, я почувствовал, что ненавижу всё: сюжет, героев, пишущую машинку, себя... Я ненавижу эту мерзкую, задышлевую жизненную борьбу, не оставляющую ни сил, ни желаний для борьбы за мечту. В этом, кстати, и заключается главное, базисное свинство бытия: осуществить мечту можно только за счёт тех сил, какие обычно тратятся на борьбу за жизнь. Замкнутый круг. И разорвать его невозможно. Почти... Тех, кому это удалось, можно сосчитать по пальцам. Костожогов, к примеру... Впрочем, пример неудачный: жизнь его в конце концов всё-таки сожрала, схарчила, схрумкала. И не подавилась, скотина! Нет, мир стоит не на слонах, не на китах и даже не на быках. Мир стоит на трёх огромных свиньях, грязных, смердящих и прожорливых...

Единственный раз в жизни у меня был шанс разорвать этот проклятый круг, но я воспользовался им, как дуралей, который по счастливой случайности выпустил джина из бутылки (именно из бутылки!), а на громовой призыв: «Спрашивай чего хочешь!» спросил: «Который час?» [15, с. 15].

И если **героини** М. Арбатовой («Пробное интервью на тему свободы»), О. Кучкиной («Сусси, или Триумф»), Л. Зорина («Сыщица»), В. Токаревой («Телохраниль»), Е. Катасоновой («Бабий век») ищут свой путь в жизни, действуют, решают свои и чужие проблемы, персонаж Ю. Эдлеса по прозвищу Одуванчик согласен на все ради собственного спокойствия и реализации «синдрома недеяния» (Т. Тайганова): «Я обрету наконец свободу, **свободу от всего** (выделено мной. – Л. Ч.): от обязанностей и прав, от необходимости быть любимым и отвечать на любовь, от прогулок за город и посещения друзей, от постоянной заботы о деньгах, **от самого себя, наконец** (выделено мной. – Л. Ч.), – совсем, окончательно, бесповоротно!» [20, с. 50]. Вот такое понимание свободы – и социальной, и нравственной (вернее, безнравственной). А герой пьесы М. Арбатовой «Драх нах вестен» сам себе даёт уничижительную характеристику: «Я – плохой сын, плохой муж, плохой специалист, плохой любовник... Я словно всё время **обижен на жизнь** (выделено мной. – Л. Ч.), как на женщину, и мне хочется всё время делать ей назло» [3, с. 366].

Одна из самых острых и болезненных проблем постсоветского общества – обесценивание реальных коммуникативных связей, когда общение в традиционном смысле этого понятия заменяется разного рода суррогатами или вообще отсутствует.

Общение предполагает СОчувствие, СОпонимание, СОпереживание, СОпричастность. А это требует постоянно труда души, на который неспособны многие наши современники. Большинство современных писателей рассматривают проблему в трагикомическом ключе (особенно драматурги), причём писательницы делают акцент на «траги» (Л. Улицкая, Д. Рубина, М. Арбатова, Е. Катасонова, Н. Садур, Е. Сазанович, Л. Петрушевская, И. Кабыш, М. Бородицкая, О. Кучкина), писатели – на комическом, чаще всего принимающем различные формы иронии (Ю. Поляков, Е. Гришковец, Д. Быков, А. Галин, Ю. Эдлис, А. Слаповский, О. Богаев, Е. Унгард).

Подлинное общение (тем более – Общение) невозможно без искренности, но современный человек чаще имитирует искренность или тратит непомерную энергию на минимальное проявление искренности. Маргарита из «Пробного интервью на тему свободы» М. Арбатовой заявляет: «У меня **все жизненные силы** (выделено мной. – Л.Ч.) направлены на то, чтобы быть искренней в каждую данную единицу времени» [2, с. 6].

Неумение или нежелание общаться (зачастую и то, и другое), естественно, порождают одиночество, которое одни тщательно скрывают, другие, напротив, всячески демонстрируют, стремясь вызвать хотя бы подобие сочувствия.

Современные писатели нередко обращают внимание на странные, иногда абсурдные формы избавления от одиночества. Например, Иван Жуков из пьесы О. Богаева «Русская народная почта» пишет письма себе самому от имени разных людей, и сам на них отвечает. Его «друзья по переписке»: диктор телевидения, лётчик-космонавт, Любовь Орлова, королева Великобритании и даже сама Смерть.

Главный герой романа Ю. Полякова «Грибной царь» полагает, что былую близость с друзьями и родными ему поможет вернуть некий чудо-гриб, и фанатично его разыскивает.

Лиля (пьеса «Лиля» О. Кучкиной), утончённая, умная, интеллигентная женщина с высшим гуманитарным образованием, чтобы расширить круг общения (а вернее, «общения») и почувствовать всеобщую «нужность», становится рубщиком мяса в гастрономе.

Тем не менее современные авторы (и мужчины, и женщины) достаточно часто как главную идею своих произведений проводят мысль о том, что женщине всё же легче преодолеть коммуникативную разобщённость, нежели мужчине. В трагимелодраме А. Галина «Сирена и Виктория» показан путь двух женщин (профессора-филолога Виктории и бизнесвумен Сирены) от полной разобщённости до почти гармонии во взаимоотношениях. В финале пьесы Константин, «потенциальный возлюбленный» Виктории, изумлён возможностью общения таких разных женщин: «На каком языке вы с ней общаетесь?» [5, с. 78]. Символичны ответы женщин:

«Виктория: – Мы изучаем глаголы...

Глаголы.

Сирена: Ты его поучи глаголам-то!.. Как у Пушкина? Если тебе сердца больше жечь нечем – тогда ты садись в угол, потупь очи и молчи, и на пяльцах вышивай» [5, с. 78].

Деформация коммуникативных связей особенно чётко отражена в драматургии, что естественно и логично для этого литературного рода.

Избыточный диалог, речевой штамп, игра слов и словесные розыгрыши приводят к алогизму моделируемой в сюжете коммуникативной ситуации, когда привычные, устоявшиеся связи оказываются как бы недействительными. И становятся понятными причина и механизм разрушения классического драматургического диалога, который, по мнению исследователей, становится «формально пересекающимися монологами» (И. Цунский). Сама лексическая и синтаксическая структура речи современных персо-

нажей, за редким исключением, отражает процессы люмпенизации души, эмоционального одичания современного человека, причём и «элитарный» суперассоциативный язык «интеллигентного слоя», и тюремно-блатной, убогий псевдоязык «оборванцев» и «ублюдков» по глубинному смыслу идентичны, ибо основу их составляют «слова в траурной кайме» (М. Любомудров). И заняты персонажи тем, что постоянно рассказывают себя, не слушая собеседников.

Деформация речевой системы современных пьес (а драма – это речь), отражающая условность, зыбкость, иллюзорность общения, характеров, истин и т.д., – одно из самых важных и заметных проявлений «театра абсурда», который всё активнее проникает в русскую литературу (не только в драматургии) рубежа тысячелетий. Коллажность композиции и клиповость сюжета, о чём всё чаще пишут специалисты (М. Громова, И. Цунский, Е. Стрельцова), – также показательные проявления абсурдистской стилистики, и связаны они с деформацией коммуникативного фона, когда концепция героя и концепция общения разводится на вербальном уровне и существуют на уровне подтекста, а в тексте игра в вопросы и ответы.

Символично, что многие персонажи современных пьес, люди разного возраста и социального положения, ощущают разрушения реальной коммуникации как причину мутации современного человека. Юная девушка в пьесе Р. Солнцева «Режим «Аська» обращается к неизвестному ей адресату-единомышленнику: «В самом деле, дорогой незнакомец! Мутация, мутация! А какая нравственность может быть у мутантов, включая правительство и суды, и милицию! Ни за что могут оскорбить самым ужасным словом! На днях в автобусе небритый дядька *орёт на всех матерными словами*... мол, нога болит, уступите место! Тут водитель выглянул из-за стеклянной *загородки* и на него: в тюрьме тебе место! А тот: я *щас* к тебе пролезу – до конца дней своих в больнице будешь *корячиться!* И тогда старенькая одна тётенька в очках: как вы можете ругаться? А небритый на неё кошмарными словами... ты такая, сякая... А она: разве вас не мать родила, вы из мусорного ящика вышли? А он – её пальцем в грудь – бабуля закашлялась... заплакала... И никто не защитил. Я хотела что-то сказать, а он *шарахнул* (выделено мной. – Л. Ч.) в дверь ботинком и вышел...» [18, с. 68].

Вербальный «винегрет» отражает хаос мироощущения современного человека, состояние «слепого щенка», не понимающего, где он, что с ним и как достучаться до сознания окружающих.

«Эпоха биархата» (Ю. Рюриков) породила **немало проблем, связанных с семейными, точнее, любовно-семейными отношениями.** «При патриархате смысл жизни женщины – быть матерью, женой, домохозяйкой. Главная её арена – дом, главное дело – растить детей, обслуживать мужа...

С рождением биархата у женщины начинает рождаться новый смысл жизни – сдвоенный. Теперь женщина видит его в двурусловой жизни – домашней и рабочей сразу. В ней просыпается тяга к разносторонней жизни...» [17, с. 181].

Изменение социальной роли женщины приводит к парадоксальным ситуациям в интимных и семейных отношениях современников. Две кардинально противоположные модели семейных отношений представлены в романе Александры Марининой «Когда боги смеются». Семья Ольги и Павла основана на беспредельно свободных отношениях, когда при соблюдении всех традиционных формальностей (общая жилплощадь, хозяйство, совместные выходы в «свет» и в гости к родственникам) у каждого своя личная жизнь, свои любовные истории, которые «супруги» рассказывают друг другу, советуясь при этом, как лучше обольстить очередной «объект». В семье Рубцовых «глава» насаждает» домостроевские принципы, которые в начале XXI века воспринимаются как карикатура или неудачная шутка.

Елена у Н. Птушкиной («Мало секса») называет развод с мужем «необъяснимым счастьем» [16, с. 200]. Безымянный герой «инопланетянина» Е. Унгарда считает, что в жизни «главное излишество – это жена» [19, с. 89].

Бизнесвумен Зоя («Нескромные желания, или Зойкина контора») В. Красногорова отказывается от брака с любимым мужчиной ради развития холдинга: «мой муж не может быть одновременно моим сотрудником» [8, с. 136].

В финале комедии В. Азерникова «Школа соблазна» бывший известный журналист пятидесятилетний Артём, толкая перед собой коляску с внуком, жалуется приятелю на жену, ставшую модной «дамской» писательницей: «Будет умирать с голоду рядом с полным холодильником и ждать, когда я приеду и подам» [1, с. 93]. Иронический «перевертыш» отражает реальное явление современной жизни, когда муж становится «домохозяйкой», а жена – добычицей и кормилицей семьи.

Особая сфера семейной проблематики: разрушительная роль социальной, экономической, культурной (антикультурной) государственной политики. Войны, политические игры, насаждение суррогатной культуры насилия, патологической сексуальности («эротичности»), вульгарности и цинизма в повседневных отношениях людей. Из произведений последних лет особенно интересны в этом плане романы С. Минаева «Dухless», «Тетёлки», А. Иванова «Общага-на-крови», Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», «Лестница Якова», «Я – не Я» А. Слаповского поэтические сборники Т. Кибирова «Нищая нежность», В. Вишневского «Спасибо мне, что есть я у тебя», И. Кабыш «Невеста без места», В. Павловой «Письма в соседнюю комнату», пьесы В. Забалуева и А. Зензинова «Прощание славы», О. Кучкиной «Сусси, или Триумф», А. Яхонтова «Люболь».

Конечно, художественная интерпретация семейной проблематики, как никакой другой, требует гендерного подхода, ибо образ семьи в понимании мужчины и женщины иногда может отличаться разительно, но необходимо отметить, что в начале XXI столетия различий становится всё меньше. Современные писатели – и мужчины, и женщины, – отражая разрушительные реалии семейных отношений, пока не замечают конструктивных вариантов обновления семейной модели (за редчайшими исключениями).

Тотальная урбанизация современной жизни во всех её проявлениях – ещё одна проблема, волнующая социологов, психологов, философов и, естественно, находящая отражение в художественной литературе. Каждый из писателей рубежа тысячелетий пытается ответить на свои вопросы, связанные с проблемой, но есть нечто общее в их подходах к ней. Все современные авторы в различной форме утверждают, что в городе энергия отрицания опережает энергию конструктивную. Агрессивность, нездоровая конкуренция во всём – от одежды до престижности школы, где учится ребёнок, и «успешности» в соцсетях.

Город выхолащивает человека, превращая его в робота, «самонастраивающегося, саморегулирующегося, самоуправляющегося, саморазмножающегося» [20, с. 58], как это определяет Одуванчик («Одуванчик» Ю. Эддиса).

Открытый тип сознания женщин позволяет им ощущать этот процесс яснее и болезненнее. В беседе двух городских женщин (пьеса М. Арбатовой «Виктория Васильева глазами посторонних») чётко определяется «формула» шаблонности городской жизни: **Вика.** Я понимаю, сейчас вообще никто никому не нужен. **Живём как схемы. Общаемся как схемы.** Я понимаю, но от этого не легче.

Журналистка. Ничего не понимаю.

Вика. Вы просто не хотите посмотреть **на меня.** Увидеть **меня** (выделено везде мной – Л.Ч.), смотрите на мою схему» [4, с. 386].

Городская жизнь по стандартам делает человека существом среднеарифметическим, ускоряет процессы «омущивания» женщин и «оженщивания» мужчин. Яша из

пьесы-гротеска О. Кучкиной «Сусси, или Триумф» говорит главной героине Ксении: «Всё-таки ты странно устроена. Больше мужчина, чем женщина» [9, с. 40].

Унисекс – тенденция современной городской жизни: от одежды до модели поведения и выражения эмоций.

Свою «пьесу про любовь» (как определила жанр писательница) Виктория Никифорова назвала «Условные единицы». В «условные единицы» превращает мужчину («около 35 лет, выглядит моложе, стильно одет, ухожен, интеллигентен») и женщину («около 35 лет, выглядит моложе, стильно одета, ухожена, интеллигентна») **город-унификатор** [13, с. 73].

Унификация внешнего приводит к унификации чувств. «Ужас бесчувствия», всё чаще замечаемый художниками в современном человеке, декларируется героем Эддиса «*решительно и жестко*» (по ремарке автора): «Бред, фантом, мистификация! С этим покончено навсегда! – с любовью, с истиной, печалью, счастьем, надеждой, душой, добром, злом, радостью, весной, красотой, поэзией, мечтами, фантазией, привязанностями, правом, нежностью, верностью, бескорыстием – со всеми этими родимыми пятнами, **выходящими из ряда, не укладывающимися в рамки, в регламент, в распорядок дня, в преискурант!...**» (выделено мной. – Л.Ч.) [20, с. 57].

Герои и героини В. Токаревой, Ю. Полякова, А. Кабакова, Е. Сазанович, А. Иванова и многих других прозаиков пытаются бороться с городской унификацией разными способами, но результат, как правило, минимален. Показательна в этом плане судьба главного героя романа А. Иванова «Географ глобус пропил». Виктор, в соответствии со значением имени, должен победить шаблон жизни провинциального города, но «подводит» фамилия – Служкин (значащая, символическая). Открытый финал оставляет читателю надежду, но назвать конец романа оптимистическим нет оснований.

И. Свирильников («Грибной царь» Ю. Полякова), найдя свой колдовской гриб, обязанный освободить его от деформаций городского существования, не достигает цели: гриб рассыпается в его руках, превращаясь в безобразную, отвратительную субстанцию.

Ещё одно проявление современного города – оценочная деформация всех и вся. Особенно опасен такой деформированный, обезчеловеченный подход в оценке личности. В пьесе В. Никифоровой «Скрытые расходы» в характеристике персонажей настораживает их оценка в «годовом доходе»: «*Вася* – 30 лет, заместитель руководителя отдела продаж в фирме «Микрослот», торгующей компьютерами. Годовой доход 30 тысяч долларов.

Лиза – 25 лет, его сестра, работает на телевидение. Предполагаемый годовой доход 24 тысячи долларов.

Женя – 24 лет. Сотрудница отдела банка «Эдем» по работе с кредитами. Годовой доход 15 тысяч долларов.

Кирилл Александрович – 23 лет. Начальник отдела банка «Эдем» по работе с кредитами. Годовой доход 35 тысяч долларов.

Аманда – 29 лет. Ведущая сотрудница заведения «Монплеизир», годовой доход 22 тысячи долларов.

Ксения – 32 лет. Её коллега, годовой доход 26 тысяч долларов.

Павел Петрович – 53 лет, любовник Лизы, работает «на самом верху». Годовой доход – государственная тайна.

Доктор Коля, его сверстник. Годовой доход 30 тысяч долларов.

Иисус Христос. Годовой доход не декларируется.

Петенька, не родившийся сын Лизы. Годовой расход 12 тысяч долларов» [12, с. 3].

Упоминание в перечне подобных оценок Иисуса Христа усиливает их абсурдность и кощунственность.

Нередко символом города и одновременно символом суррогатного общения является телефон. Героиня «Сотового» О. Кучкиной звонит сама себе с мобильного на городской и наоборот, а Сергей из пьесы «Город» Е. Гришкова считает свою телефонную книжку с десятками номеров главным в мире врагом: «вот это книжка, со всеми этими номерами, мне кажется, она сильнее всего мучает, терзает прямо. Куча каких-то обещаний, просьб... Моих просьб, просьб ко мне. Куча вранья всякого. А сколько дежурных звонков, а сколько ожидания нужного звонка...

Знаешь, мне иногда хочется взять эту книжку и вот так вот, с буквы «А»... Так... ага... Авдеев Анатолий В. Уже не помню Викторович или Владимирович. Набрать и сказать: «Здравствуйте. Анатолий Викторович? Владимирович?! Извините. Это Сергей Басин вас беспокоит. Помните такого? Я вам звоню, только чтобы сказать, что вы дурак и свинья». После этого вычеркнуть его телефон, потом пройти вот так по всей книжке, и можно будет телефон не отключать... и в этом городе жить» [6, с. 188–189].

Образ телефона концентрирует в себе всю суетность, часто неразбериху городской жизни и отражает **иллюзию неодинокства**.

Конечно, урбанистическая тематика не исчерпывается негативом. Город детства. Город первой любви. Город памяти о близких. Романтические и сентименталистские элементы в описании города есть даже у таких урбаноскептиков, как Е. Гришковец, у которого, по мнению М. Липовецкого, город показан «с проникновенной иронией, в ореоле романтических ассоциаций на узнаваемом фоне сумасшествия буден» [10, с. 148].

Отрицание, обличение и родственность нередко соединяются в трактовке образа города у современных авторов (особенно женщин):

город в котором снег
пачкается в полёте
город в котором смех
горек уже в зиготе
город в котором дитя
в утробе матерится
город в котором я
умудрилась родиться [14, с. 246, отсутствие пунктуации – авторское].

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно даже кратко охарактеризовать все социальные проблемы современности, интересующие писателей рубежа тысячелетий и требующие гендерного подхода. В данном исследовании выделены наиболее актуальные, интересные и важные не только для художников слова, но и для представителей многих гуманитарных наук.

Литература

1. Азерников, В. Школа соблазна. Комедия / В. Азерников // Современная драматургия. – 2008. – № 1. – С. 70–93.
2. Арбатова, М. Пробное интервью на тему свободы. Пьеса в двух действиях / М. Арбатова // Современная драматургия. – 1999. – № 4. – С. 7–29.
3. Арбатова, М. Драг нах вестен / М. Арбатова // Мобильные связи. – М. : ЭСМО-ПРЕСС, 2000. – С. 348–368.
4. Арбатова, М. Виктория Васильева глазами посторонних / М. Арбатова // Визит нестарой дамы. – М.: Эксмо, 2003. – С. 359–397.
5. Галин, А. Сирена и Виктория. Комедия в двух действиях / А. Галин // Современная драматургия. – 1997. – №4. – С. 53–78.
6. Гришковец, Е. Город. Пьеса / Е. Гришковец // Новая драма: пьесы и статьи. – СПб. : Сеанс, Амфора, 2008. – С. 171–216.
7. Кислова, Л. Опозиция «мужское – женское» в драматургии М. Арбатовой / Л. Кислова // Современная русская литература : проблемы изучения и преподавания. – Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2003. – С. 167–171.

8. Красногоров, В. Нескромные желания, или Зойкина контора / В. Красногоров // Современная драматургия. – 2008. – №1. – С. 117–137.
9. Кучкина, О. Сусси, или Триумф. Гротеск в трёх действиях / О. Кучкина // Современная драматургия. – 2004. – № 3. – С. 39–62.
10. Липовецкий, М. Гришковец Евгений / М. Липовецкий // Огрызко, В. Русские писатели. Современная эпоха. Лексикон. – М. : Литературная Россия, 2004. – С. 147–148.
11. Маркова, Т. Жанровые трансформации в малой прозе конца XX века / Т. Маркова // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. – Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2003. – С. 132–141.
12. Никифорова, В. Скрытые расходы. Пьеса про деньги в трёх действиях / В. Никифорова // Современная драматургия. – 2006. – № 3. – С. 3–24.
13. Никифорова, В. Условные единицы. Пьеса про любовь в двух актах / В. Никифорова // Современная драматургия. – 2008. – № 2. – С. 73–91.
14. Павлова, В. Из восьми книг: Избранные стихи 1983–2008 годов / В. Павлова. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 286 с.
15. Поляков, Ю. Козлёнок в молоке / Ю. Поляков. – М. : ОЛМО – ПРЕСС, ОНИКС, 1997. – 464 с.
16. Птушкина, Н. Мало секса. Пьеса в двух действиях, пяти картинах / Н. Птушкина // Современная драматургия. – 2001. – № 1. – С. 29–50.
17. Рюриков, Ю. По закону Тезея. Мужчина и женщина в начале биархата / Ю. Рюриков // Новый мир. – 1986. – № 7. – С. 174–198.
18. Солнцев, Р. Режим «Аська». Две истории об одиночестве / Р. Солнцев // Современная драматургия. – 2006. – № 3. – С. 67–85.
19. Унгард, Е. Инопланетянин / Е. Унгард // Современная драматургия. – 2003. – № 3. – С. 83–92.
20. Эдлис, Ю. Одуванчик / Ю. Эдлис // Современная драматургия. – 1999. – № 4. – С. 49 – 59.

L.V. Chernienko

Lugansk national University named after Taras Shevchenko

e-mail: chernienko_75@mail.ru

The gender aspect of the social problems of modern society in Russian literature at the turn of the century

Key words: gender, biarchy, problem, character, conflict.

The article discusses the specifics of the artistic interpretation of actual social problems in the gender aspect: the depreciation of real communicative connections, biarchy conflicts and the deformation of family relations, the influence of urbanization of society on the spiritual life of the individual.